

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ПРОБЛЕМА МОТИВИРОВАННОСТИ ФРАЗЕМЫ

О.А. Воронкова

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал
Белгородского государственного национального исследовательского университета
jalo1710@rambler.ru

С позиций когнитивной лингвистики внутреннюю форму (далее – ВФ) фраземы в языковом сознании носителей языка можно рассматривать как посредника между значением фраземы как знака вторичной номинации и значением его производящего сочетания. Это свидетельствует об определённой обусловленности ВФ фраземы одним из смысловых элементов порождающего её дискурсивного поля, что, в свою очередь, указывает на определённую связь ВФ с процессом мотивированности.

Сущность ВФ в процессе фразеомобразования сводится к её способности к мотивации фраземы. Это подтверждают исследования ряда ученых, например, Л.И. Ройзензон под ВФ фраземы понимает наличие мотивированности (Ройзензон 1965: 65). Б.А. Плотников считает, что ВФ – это мотивированный признак, положенный в основу названия предмета, явления (Плотников 1989: 115).

Изучение понятия ВФ является одной из центральных проблем в теории лексической мотивации, разработанной О.И. Блиновой и представителями томской мотивологической школы (Блинова 2007: 57). В рамках традиционной семасиологии связь понятия ВФ фраземы с понятием мотивированности усматривалась многими учёными (В.Г. Вариной, Н.Д. Голевым, В.И. Зиминым, Н.Н. Кирилловой, А.В. Куниным, Л.И. Ройзензоном, Т.З. Черданцевой, и др.).

О.И. Блинова рассматривает мотивацию и как явление, и как вид системных, а именно – эпидигматических, связей языковых единиц (Блинова 1984: 11). Д.Н. Шмелёв, говоря об эпидигматике как «третьем измерении» лексики, подразумевал мотивационные отношения, которые выделял наряду с парадигматическими и синтагматическими отношениями (Шмелёв 1973: 263). С понятием мотивации теснейшим образом связано понятие мотивированности, которую следует рассматривать как структурно-семантическое свойство языкового знака, позволяющее осознать обусловленность связи его звучания и значения на основе соотнесённости с языковой или неязыковой действительностью (Блинова 2007: 40).

Так как в процессе фразеомобразования все или, по крайней мере, некоторые компоненты фраземы подвергаются смысловому преобразованию, можно предположить, что соотнесённость означаемого и означающего фраземы осознаётся посредством ассоциативно-эпидигматической связи фразеологического значения с прямыми значениями слов-компонентов. Сказанное подразумевает обращение к системообразующим во фразеологической семантике категориям:

«мотивирующее средство», «мотивационная форма», «мотивационное значение» и «мотивированность». Мотивированность – свойство фраземы. Мотивирующими средствами выступают импликациональные смыслы, порождающиеся первичными значениями лексем, входящими в состав фраземы. Ср.: *сидеть на шее у кого* – ‘жить за чей-либо счет, быть иждивенцем, обузой для кого-либо’ (Бирих 2005: 767). Сочетание словоформ *сидеть* и *на шее* представляет собой мотивационную форму фраземы *сидеть на шее у кого*, поскольку они являются для нашего языкового сознания важными сегментами означающего фраземы. Мотивационная форма, по определению О.И. Блиновой, представляет собой значимые сегменты плана выражения языкового знака, обусловленные его мотивированностью (Блинова 2007: 49). Именно благодаря значимости этих сегментов в сознании носителей русского языка актуализируется ВФ («сидя на шее у кого-либо, сам не можешь ничего делать и тем самым причиняешь неудобство другому, ограничивая свободу движения тяжестью тела, обременяя его»). С понятием мотивационной формы теснейшим образом связано понятие мотивационного значения – синтеза значений всех элементов мотивационной формы фраземы (ср.: Блинова 2007: 49). Это, в свою очередь, объясняет, почему сегменты мотивационной формы значимы. Они потому значимы, что выражают определённое, мотивационное, значение. Мотивационное значение анализируемой мотивационной формы фраземы представлено буквальным содержанием словосочетания *сидеть на шее* – «некто обременяет другого своим неудобным присутствием, при этом ничего не делает сам». Возможность такого рода аналогии свидетельствует о том, что носителями языка ассоциативно осознаётся эпидигматическая связь содержания и формы фраземы. Следовательно, ВФ данной фраземы в единстве её мотивационной формы и мотивационного значения обуславливает когнитивную (смысловую) структуру фраземы.

Говоря о мотивированности, следует отметить, что существуют и другие толкования данного понятия. В отличие от О.И. Блиновой, Т.Р. Кияк мотивированность понимает как свойство не самого знака (слова или фраземы), а как свойство его ВФ. Саму же ВФ учёный рассматривает как «основу мотивированности» номинативной единицы (Кияк 1988: 26). Сходные мысли высказывает Э.И. Астахова, выделяя на этом основании ВФ мотивированные и немотивированные (Астахова 1990: 63). Однако здесь, как нам представляется, возникает вопрос: если мотивированность является свойством ВФ фраземы, то может ли ВФ служить «основой мотивированности»? В этом случае ВФ логически не может быть основой мотивированности, поскольку последняя рассматривается как свойство самой внутренней формы: категория не может служить основой собственного свойства. ВФ является средством мотивации фразеологического значения. Ср.: фразеологические сращения типа *ни гугу*, *поехать на долгих*, *ставить (стано-*

виться) на попá, дело в шляпе, дело табак, гог и магог (гога и мамога), ничтоже сумняся (сумняшеся), ходить козырем, не в своей тарелке, тянуть лямку и др. считаются немотивированными в плане синхронии. Выходит, что перечисленные единицы не обладают ВФ, так как последняя не может быть выявлена ввиду отсутствия выражающей её категории, способа её выражения. Если так, то сращениям нужно отказать в том, что в них как языковых единицах опосредованно через сознание носителей языка отражаются наиболее существенные для коммуникации признаки денотативных ситуаций. Именно названные признаки необходимо рассматривать как ВФ.

Мы исходим из того, что ВФ фраземы является основой мотивированности, которую считаем свойством фраземы, а не ВФ. Именно ВФ потенциально способна к мотивации как смыслообразующему процессу. Об этом свидетельствуют высказывания многих учёных. Так, Н.Д. Голев говорит о том, что мотивационное значение извлекается из формы (внутренней) и ставится в ряд «обычных» функциональных сем языкового знака (Голев 1989: 71). В.И. Зимин утверждает: «Мотивирует значение идиомы именно её внутренняя форма, понимаемая как наглядно-чувственный образ, лежащий в основе мотивации значения фразеологизма и определяющий всю его специфику» (Зимин 2006: 544). Е.А. Юрина понимает ВФ как средство выражения в языковой единице её мотивированности (Юрина 2004: 15).

Таким образом, можно сказать, что во ВФ заложены мотивационные отношения языкового знака, в том числе и фраземы. Более того, учёные приходят к выводу, что мотивация в конечном итоге способствует языковому освоению окружающей действительности, а ВФ в качестве «результативного аспекта» предстаёт как отражение в знаке – одновременно в его форме и содержании – объективных признаков реалии (Голев 1989: 17). Это указывает на связь ВФ со спецификой восприятия и понимания того или иного явления.

На основании этого можно определить одну из когнитивных функций ВФ в процессах фразеомобразования – это способность к мотивации фразеологического значения.

Если говорить о мотивированных и немотивированных фраземах, то, как справедливо отмечают Л.И. Ройзензон, Т.Р. Кияк, Н.Ф. Алефиренко (ср.: Алефиренко 2005: 43), и те и другие фраземы обладают ВФ, несмотря на отсутствие мотивированности. Фразема вполне может быть немотивированной, если её ВФ на уровне синхронического (не ретроспективного!) языкового сознания говорящих не участвует в процессе мотивации. Например: фразема *низкого пошиба* имеет значение ‘о ком-, чем-либо плохом, невысокого качества, достойном осуждения’. Очевидно, что данная единица употребляется носителями языка в коммуникативной ситуации, когда некто хочет дать низкую оценку кому-, чему-либо делает что-либо. При этом с определённой долей уверенности можно утверждать, что носители русского

языка, не являющиеся специалистами в области фразеологии и не знакомые с этимологией данной фраземы, не смогут объяснить значение фраземы из-за незнания семантики слова *пошиб*. Несмотря на это, носители языка уместно употребляют эту единицу в коммуникативной ситуации и адекватно её воспринимают, когда слышат от других. Иными словами, данная фразема не мотивирована с синхронной точки зрения, что же касается диахронии, то она образовалась на базе древнерусского слова *пошиб*, обозначающего художественную манеру или стиль. По мнению авторов историко-этимологического словаря «Русская фразеология», первоначально эта лексема употреблялась применительно к иконам и иконописи, позднее она стала означать в целом манеру делать что-либо (Бирх 2005: 566).

Немотивированность (с позиций синхронии) фраземы *низкого пошиба* ещё не доказывает отсутствия ВФ, а лишь свидетельствует о том, что ВФ не принимает участия в процессах мотивации, то есть для сознания носителей современного русского языка связь с древнерусскими реалиями утрачена.

По нашему мнению, и мотивированные и немотивированные фраземы обладают внутренними формами, которые во многом определяют характер и содержание фразеологического значения. При этом заметим, что, по мнению некоторых учёных, если связь звучания и значения не осознаётся, то знак косвенно-производной номинации считается немотивированным, не обладающим ВФ, а если эта связь осознаётся носителями языка, то, следовательно, знак является мотивированным.

Функциональная обусловленность ВФ обеспечивается тем, что один из компонентов ВФ (её мотивационная форма) формирует, сегментируя, означающее знака косвенно-производной номинации, а другой компонент (мотивационное значение) предопределяет соответствующий набор сем фразеологического значения. Семы – элементарные смыслы фразеологического значения, отражающие признаки денотативной ситуации, которые «схватываются» нашим сознанием, «отбираются» в соответствии с вербализующимся образом того фрагмента действительности, который подлежит косвенно-производной (фразеологической) номинации. В этом, собственно, и состоит суть когнитивной функции ВФ, основа её креативности в процессе формирования фразеологического значения, что полностью соответствует обоснованному в когнитивной психологии процессу формирования когнитивных структур путём вычленения и структурирования тех или иных признаков номинируемого денотата (см. А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Р.Л. Солсо, Б.Ф. Ломов, Р.С. Немов и др).

Таким образом, мотивированность в терминах мотивологии определится как структурно-семантическое свойство фраземы, а ВФ представляет собой компонент её формально-содержательной структуры, выражающий это свойство. В функциональном отношении ВФ –

«средство выражения мотивированности фраземы», а в онтологическом плане – «лексико-грамматическая структура фраземы, позволяющая объяснить связь её звучания и значения» (Юрина 2004: 17).

Таким образом, можно сказать, что ВФ хранит в себе мотивированные отношения фраземы. Называя мотивирующий признак обозначаемого, ВФ фразем отражает принцип и признак косвенно-производной номинации. Связь мотивированности фраземы и её семантики прослеживается в нескольких аспектах: во-первых, прозрачная ВФ фраземы обеспечивает ей необходимую для коммуникации актуальность и смысловую определённость; во-вторых, ВФ фраземы служит импульсом формирования фразеологического значения, приводя его в соответствие с мотивированным значением фразеомобразующей базы.

Литература

Алефиренко, Н.Ф., Семененко, Н.Н. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта-Наука, 2009. 240 с.

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Астахова, Э.И. Внутренняя форма – как смысловоразличительный фактор в семантической парадигме идиом / Э.И. Астахова // Фразеологические словари и компьютерная фразеология: Тезисы сообщений школы-семинара. – Орел, 1990. С. 62–64.

Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.

Блинова, О.И. Мотивология и её аспекты: Монография / О.И. Блинова. – 2-е изд., стереотипное. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 394 с.

Блинова, О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект): Уч. пособие / О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 191 с.

Голев, Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н.Д. Голев. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 252 с.

Зимин, В.И. Синхронический и диахронический аспекты рассмотрения внутренней формы фразеологизмов русского языка / В.И. Зимин // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. научно-практическая конф. 17–19 марта 2006 г. – М.: ООО «Изд-во «Эллипс», 2006. С. 543–546.

Кияк, Т.Р. Мотивированность лексических единиц (качественные и количественные характеристики): Монография / Т.Р. Кияк. – Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1988. 164 с.

Лысова, О.Ю. Проблема соотношения внутренней формы и мотивации фразеологического значения // Векторы науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 4. С. 115–118.

Плотников, Б.А. О форме и содержании в языке / Б.А. Плотников. – Минск: Вышэйшая школа, 1989. 254 с.

Ройзензон, Л.И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма / Л.И. Ройзензон // Вопросы фразеологии. Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои. – Ташкент: «ФАН», 1965. С. 63–70.

Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1973. 280 с.

Юрина, Е.А. К вопросу об интерпретации термина «языковой образ» в лексической семантике / Е.А. Юрина // Вестник Томского государственного ун-та. 2004. № 38. С. 6–24.

Summary.: In the article we are trying to discover the essence of the inner form of the signs of indirect nomination from the cognitive-semasiological point of view. We are approving the linguo-cognitive status of the inner form and ability to motivate the phraseological meaning as one of its cognitive functions.

Key words: inner form, feature, linguo-cognitive category, cliché, phraseological meaning, synchronism.

ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОННОТАТИВНОГО МАКРОКОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Е.И. Симоненко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kejt9@mail.ru

Структурно-семантическая организация фразеологических единиц (далее – ФЕ) обеспечивает им широкий спектр прагматических возможностей. Несомненно, в реализации коммуникативно-прагматического потенциала ФЕ структура имеет значение, однако определяющую роль в этом отношении играет фразеологическая семантика.

Исследуя коммуникативно-прагматические особенности фразеологической семантики, мы придерживаемся теории полевой модели семантической структуры языковых единиц, представленной в теоретических разработках З.Д. Поповой, а также дополненной в трудах Н.Ф. Алефиренко и его последователей (Н.А. Востряковой, Т.В. Гридневой, Л.Г. Золотых, И.Н. Кайгородовой и др.). Опираясь на исследования указанных авторов, во фразеологической семантике мы выделяем ядро, околоядерную зону и периферию. Ядро семантической структуры ФЕ составляют грамматический, сигнификативно-денотативный и коннотативный макрокомпоненты.

Наиболее спорным в современной лингвистике остаётся вопрос о природе и сущности коннотативного макрокомпонента семантики ФЕ и его соотношении с сигнификативно-денотативным макрокомпонентом. Коннотативный аспект семантики ФЕ наименее исследован в лингвистике. Для его номинации существует ряд терминообозначений: коннотативный (макро- или микро-) компонент, коннотативное содержание, прагматический элемент, экспрессивно-образный элемент, стилистическая окраска, стилистическое значение. Такое разнообразие терминов не случайно, оно обусловлено противоречивыми представлениями о природе и сущности самой коннотации.

Большинство исследователей выделяют такие компоненты коннотации, как экспрессия, эмотивность, образность, оценка и стилистические характеристики языковых единиц (И.В. Арнольд, А.М. Мелерович, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.). При более узком понимании в состав коннотации включают только эмотивные семы (В.И. Шаховский). Неко-